

Елена Алымова

Эсхин из Сфетта и традиция сократического диалога*

ELENA ALYMOVA

AESCHINES OF SPHETTUS AND TRADITION OF SOCRATIC DIALOGUE

ABSTRACT. Plato and Xenophon have both overshadowed other disciples and devotees of Socrates making everyone else appear of a lesser stature. Tradition, not without warranty, has relegated virtually all of these “minor” Socratics to positions inside one school or another. Driven to the periphery of the prize trail of philosophy blazed by Plato, his fellow Socratics, ended up as second-rate thinkers vis-a-vis Xenophon, not to cite Plato. The scanty texts and testimonies available to us are used either to reconstruct the doctrines of the so-called Socratic schools or to flesh out the historical persona of Socrates. However, it seems intriguing to consider these texts in their inter(con)textual relations with Plato’s writings, with which they share dramatic features such as the dialogue form. Taking into account all of the above, the author proposes a number of suggestions concerning one of Socrates’ most devoted disciples, Aeschines (Socraticus) of Sphettus. According to tradition, he composed *Sōkratikoí logoi*, i.e. Socratic dialogues. The genesis of this genre is a separate problem for scholars. An attempt to solve it seems all the more interesting since it was Plato who maximally realized the genre’s potentials. The starting point of our research are two out of the seven dialogues composed by Aeschines, the *Alcibiades* and the *Aspasia*. The fragments of these compositions at our disposal, as well as supporting information concerning the works of other Socratics, lend plausibility to the assertion that Aeschines himself was a trail-blazer in his treatment of a theme that was of fundamental importance for Plato: the affinity between education and Eros.

KEYWORDS: Aeschines Socraticus, Aeschines of Sphettus, Socratic dialogue, *Sōkratikoí logoi*, Socratics, eros, Plato.

Эсхин из Сфетта, или Эсхин Сократик: после Платона и Ксенофонта это наиболее полно представленный текстами ученик

© Е.В. Алымова (Санкт-Петербург). ealymova@yandex.ru. Санкт-Петербургский государственный университет. Русская христианская гуманитарная академия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

Сократа. Интерес к Эсхину был всегда, что подтверждается количеством упоминаний о нем еще в древности. В Новое время энциклопедист Жан Леклерк (1657–1736) впервые объединил под одной обложкой три псевдоплатоновских диалога («О добродетели», «Эриксий» и «Аксиох»), приписав авторство Эсхину и дополнив издание рядом фрагментов и латинским переводом:

- Ioannes Clericus (1711), *Aeschinis Socratici Dialogi tres. Graece et Latine*. Amstelodami: apud Petrum de Cour.

Его дело продолжили Петр Хоррей и Иоганн Фридрих Фишер, выпустивший четыре издания «Диалогов Эсхина», первое в 1753, наиболее полное и критически проработанное в 1786:

- Horreus Petrus (1718), *Aeschinis Socratici Dialogi tres*. Leovardiae: excudit F. Halma Ordinum Frisiae Typographus.
- Fischerus, Ioh. Frieder. (1786), *Aeschinis Socratici Dialogi tres*. Lipsiae: sumtu hered. Ioh. Irenothei Mulleri.

Оба издателя, ориентируясь на рукописи и ранние издания Платоновского корпуса, правили текст все тех же трех pseudoplatonica. При этом, привлекая фрагменты, они стремились воссоздать собственное «лицо» Эсхина Сократика как самостоятельного автора. Между тем появилось и немецкое переложение диалогов:

- Schulthes, Johann Georg (1779), *Aeschines des Socratikers philosophische Gespräche*. Zürich: bey Orell, Geßner, Füßlein und Compagnie.

Перевод на национальный язык — факт уже сам по себе симптоматичный: Эсхин был воспринят в новом, популярном культурном контексте. Но лишь спустя 70 с лишним лет после четвертого фишеровского издания появилось полноценное критическое исследование с разбором реального наследия Эсхина:

- Hermann, Carl Friedrich (1850), *Disputatio de Aeschinis Socratici reliquiis*. Gottingae: Officina Academica Dieterichiana.

А уже в начале XX в. подряд вышло сразу два критических издания этого наследия:

- Krauss, Heinrich (1911), *Aeschinis Socratici reliquiae*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Dittmar, Heinrich (1912), *Aischines von Sphettos. Studien zur Literaturgeschichte der Sokratiker. Untersuchungen und Fragmente*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Издание Генриха Диттмара, прежде всего его исследовательская часть и комментарии, до сих пор не вышло из научного оборота. Современные исследования творчества Эсхина были подстегнуты обнаружением и атрибуцией фрагментов из папирусов Оксиринха, что позволило расширить пространство исследований. Английские папирологи Б.П. Гренфелл и А.С. Хант обнаружили папирусы, датируемые III в. до н.э. (времена Птолемея), римским периодом истории Египта и ее арабским периодом — VII в. н.э. В 13-м томе «Оксиринхских папирусов» (n. 1608) содержится фрагмент диалога Эсхина «Алкивиад»¹. В 1972 г. был опубликован 39-й том с фрагментами диалога «Мильтиад» из Р. Оху. 2889–2890². В настоящее время исследователи имеют в своем распоряжении четырехтомное издание *Socratis et Socraticorum reliquiae* (= SSR), подготовленное итальянским историком философии Габриэле Джаннантиони, вторая редакция которого, дополненная как раз за счет включения в нее фрагментов Эсхина и комментариев к ним, увидела свет в 1990 году (Giannantoni 1990).

***

Итак, Эсхин из Сфетта никогда не выпадал из поля зрения тех, кто интересовался историей античной мысли. Тем удивительнее, что о нем известно мало. Родился Эсхин между 430 и 420 гг., умер

---

¹ Grenfell & Hunt 1919: 88–94.

² Lobel 1972.

после 375/6 г.³ В доксографическом труде Диогена Лаэртского ему посвящены от силы две страницы. Из сообщений Диогена следует, что судьба бывала часто несправедлива к Эсхину. Он — сын Χαρίνου ἄλλαντοποιοῦ, οἱ δὲ Λυσανίου, Ἀθηναῖος⁴ — обычно бедствовал. И Платон поступил по отношению к нему несправедливо, приписав слова Эсхина, обращенные к Сократу, с предложением совершить побег из тюрьмы, Критону. Еще об Эсхине говорили, что он грешил плагиатом. В переводе М.Л. Гаспарова это обвинение звучит так: «На него даже наговаривали⁵ — особенно охотно Менедем Эретрийский, — будто большая часть его диалогов писана на самом деле Сократом, а он раздобыл их у Ксантиспы и выдал за свои. Впрочем, среди его диалогов те, которые называются «безголовыми», очень вялы и не обнаруживают никакой сократовской силы; Писистрат Эфесский говорил, что они даже не Эсхиновы, а Персей утверждает, что из семи диалогов большая часть написана Пасифонтом-эретриком и вставлена в сочинения Эсхина (впрочем, также присвоены были «Кир малый», «Геракл меньший», «Алкивиад» Антисфена и другие произведения других сочинителей)»⁶. Однако этот пассаж (а именно на него ссылаются как на свидетельство того, что Эсхин был нечист на руку) допускает иное прочтение: в этом мы присоединяемся к тем исследователям, которые обратили внимание на некоторые особенности текста и предложили конъектуру для одного существенного в рассматриваемом контексте слова. Сначала греческий текст:

---

³ Döring 2011: 27.

⁴ SSR VI A 3. «Харина-колбасника, другие [говорят] — Лисания, афинянин» (перевод с древнегреческого здесь и далее наш, кроме особо оговоренных случаев. — Е.А.).

⁵ «Наговаривали» (διεβάλλετο) — перевод сам говорит за себя: смысл явно негативный, что предполагает несправедливое обвинение, а следующий за этим текст вступает в конфликт с семантикой глагола «наговаривать» — из дальнейшего следует однозначно, что Эсхин — плагиатор, а значит — и не наговаривали, но справедливо обвиняли.

⁶ D.L. 2.60.

διεβάλλετο δ' ὁ Αἰσχίνης καὶ μάλιστα ὑπὸ Μενεδήμου τοῦ Ἐρετριέως ὡς τοὺς πλείστους διαλόγους ὄντας Σωκράτους ὑποβάλλοιτο, λαμβάνων παρὰ Ξανθίππης ὧν οἱ μὲν καλούμενοι ἀκέφαλοι σφόδρ' εἰσὶν ἐκκελυμένοι καὶ οὐκ ἐπιφαίνοντες τὴν Σωκρατικὴν εὐτονίαν οὐδὲ καὶ Πεισίστρατος ὁ Ἐφέσιος ἔλεγε μὴ εἶναι Αἰσχίνου. καὶ τῶν ἑπτὰ δὲ τοὺς πλείστους Περσαῖός φησι Πασιφῶντος εἶναι τοῦ Ἐρετρικοῦ εἰς τοὺς Αἰσχίνου δὲ κατατάξαι. ἀλλὰ καὶ τῶν Ἀντισθένους τὸν τε μικρὸν Κύρον καὶ τὸν Ἡρακλέα τὸν ἐλάσσω καὶ Ἀλκιβιάδην καὶ τοὺς τῶν ἄλλων δὲ ἐσκευώρηται⁷.

Проблему представляют ἀλλὰ καὶ ἡ δὲ ἐσκευώρηται⁸. Предлагаем наше толкование, основанное на убедительной конъектуре к δὲ ἐσκευώρηται, обоснованной Андреасом Патцером⁹. «А еще Эсхин подвергался клевете, причем больше всего со стороны Менедема-эретрийца, который утверждал, что, дескать, большинство диалогов, хотя они на самом деле Сократовы, Эсхин приписывал себе, получив их от Ксантиппы». Обратим внимание: диалоги, о которых речь идет в этом свидетельстве, делятся на две части, а именно, с одной стороны — οἱ μὲν καλούμενοι ἀκέφαλοι (диалоги без названия) и, с другой (ниже) — τῶν ἑπτὰ δέ (те семь, названия которых известны и будут скоро перечислены). Собственное видение Диогена, как нам представляется, подтверждает подозрение в том, что Менедем порочит Эскина. Аргумент таков: большинство диалогов из числа тех, что без названия, «вялые и лишены сократовой силы», то есть те из «сократова наследия», что Эсхин приписал себе, едва ли были сочинениями Сократа. На этом этапе остается возможность того, что автором слабых диалогов Диоген считает самого Эскина, что снимает с него обвинение в присвоении сочинений учителя. Однако следующее предложение говорит о том, что Писистрат Эфесский (καὶ Πεισίστρατος ὁ Ἐφέσιος) не считал эти диалоги — очевидно, все те же οἱ μὲν καλούμενοι ἀκέφαλοι — принадлежащими Эскину. Но это мнение с Писистратом разделяет и сам Диоген: это следует, по наше-

⁷ SSR VI A 22.

⁸ SSR nota 25.

⁹ Cf. Patzer 1970: 103–106.

му мнению, из адвербиального употребления союза καί (οὐς καὶ Πεισίστρατος ὁ Ἐφέσιος), при котором καί приближается к латинскому etiam¹⁰. Иначе говоря, слабые диалоги не могут быть сочинениями Сократа, но и сочинениями Эсхина Диоген их не считает, как не считает эти слабые диалоги сочинениями Эсхина и Писистрат. Теперь Диоген переходит к τῶν ἑπτὰ δὲ τοὺς πλείστους, о которых Персей говорит, что они — Пасифонта из Эретрии, но он [sc. Персей] εἰς τοὺς Αἰσχίνου δὲ κατατάξει (атрибутировал их как Эскиновы)¹¹. Иными словами, Персей установил плагиат со стороны Пасифонта. А это может косвенно свидетельствовать о качестве сочинений Эсхина: раз кто-то пытался присвоить себе его диалоги, значит — они не так уж и плохи. Итак, подходим к спорному месту — ἀλλὰ καὶ τῶν Ἀντισθένους τὸν τε μικρὸν Κύρον καὶ τὸν Ἡρακλέα τὸν ἐλάσσω καὶ Ἀλκιβιάδην καὶ τοὺς τῶν ἄλλων δὲ ἐσκευώρηται. Вопрос в следующем: кто является субъектом при глаголе ἐσκευώρηται (σκευωρέομαι — рассматривать утварь, осматривать, шарить). Подлежащим этого предложения считался то Эсхин (и выходило, что оно подтверждает обвинение в плагиате), то Пасифонт. Однако и тут мы обращаемся к чтению, на котором настаивает Андреас Патцер: обращает на себя внимание тот факт, что глагольной форме ἐσκευώρηται предшествует неуместная в такой позиции частица δέ. Немецкий филолог настаивает на конъектуре, которой мы и следуем: он предлагает читать не δὲ ἐσκευώρηται, а а διεσκευωρήσθαι¹². Приняв эту конъектуру буквально, мы все же предложим наше собственное смысловое толкование. Патцер видит здесь глагол σκευωρέομαι (усиленный приставкой διά, предлагаемой вместо δέ) в указанном выше значении, производным от которого является «присваивать»¹³. При этом субъектом инфинитива διεσκευωρήσθαι автор конъектуры считает Па-

¹⁰ Kühner & Gerth 1904, 253–256.

¹¹ Здесь, очевидно, имеет место инфинитивная конструкция, где подлежащее инфинитива совпадает с подлежащим управляющего глагола (φησί).

¹² См. Patzer 1970: 105.

¹³ Ibid. 103.

сифонта¹⁴. Однако, по нашему мнению, читать это предложение следует иначе. В основе нашего толкования два соображения. Во-первых, в качестве субъекта инфинитива *κατατάξαι* из предшествующего предложения мы предлагаем Персея (см. выше). Во-вторых, глагол *διασκευώρομαι* мы предлагаем понимать в значении «обустроить», «приводить в порядок»¹⁵. В таком случае, принимаем мы инфинитив (*διασκευώρησθαι*) или сохраняем личную форму глагола (*διασκευώρηται*), предложение, которое вводится *ἀλλὰ καί*, естественно читать как продолжение предыдущего и в качестве подлежащего видеть Персея. В результате получается следующее: Персей не только эти [sc. Эсхина], но и диалоги Антисфена — «Кир», «Геракл», «Алкивиад» — и диалоги других [сократиков] атрибутировал и привел в порядок, очевидно, в частности, установив авторство Антисфена. И, подытоживает Диоген Лаэртский, что выглядит логично в свете принятого нами чтения, сократическим/сократовским характером отмечены семь диалогов Эсхина: первый — «Мильтиад», потому он и в некотором роде более слабый, «Каллий», «Аксиох», «Аспазия», «Алкивиад», «Телавг» и «Ринон». Таким образом, конъектура, на которой настаивает Андреас Патцер, реабилитирует Эсхина и снимает с него подозрения в плагиате, а стало быть — позволяет в новом свете увидеть его творчество.

Еще Диоген сообщает, что с юности Эсхин был трудолюбивым и прилежным (*ἐκ νέου φιλόπονος*), почему и следовал неотступно за Сократом (*διὸ καὶ Σωκράτους οὐκ ἀλέστη*), который, будто бы сказал: *μόνος ἡμᾶς οἶδε τιμᾶν ὁ τοῦ ἀλλαντοποιοῦ*¹⁶. Косвенным подтверждением близости Эсхина к Сократу, и даже — известного влияния Эсхина, является тот факт, что его не смог обойти своим вниманием и Аристофан. В комедии «Всадники» есть персонаж Агоракрит-колбасник, правда, он назван не *ἀλλαντο-*

¹⁴ Patzer 1970: 105.

¹⁵ LSJ s.v. *διασκευώρω*. Но ср. Гараджа 2017.

¹⁶ SSR VI A 3. «Я знаю, что сын колбасника один меня и почитает».

ποιός (производитель колбас), а ἄλλαντοπώλης (торговец колбасами), которого слуги Демоса пытаются привести к власти:

Первый слуга

⟨...⟩ в оракуле все ясно:

Сперва к нам явится торговец паклей,
Который будет править государством...

⟨...⟩

Ему торговец овцами на смену.

⟨...⟩

Он должен власть иметь, пока не сменит

Его другой, во много раз отвратней.

Затем погибнет он. Придет кожевник...

Второй слуга

Погибнуть суждено овцеторговцу

От рук кожевника?

⟨...⟩

Беда мне!

Где взять еще хоть одного торговца?

Первый слуга

Есть. Есть один, с занятием завидным!

⟨...⟩

Колбасник он, и Пафлагонца свергнет.

Второй слуга

И нас спасет колбасника искусство?¹⁷

---

¹⁷ Ar. Eq. 128–144 (пер. К. Полонской). В этой череде сменяющихся лидеров есть еще один примечательный персонаж — овцеторговец (προβατοπώλης). Он тоже, во-видимому, имеет своего прототипа — это Лисикл (погиб в 428 г.), который, в свою очередь, связан с ключевым персонажем диалога Эсхина «Аспазия» — с Аспазией, о которой известно, что она была женой Перикла, которого будто бы наставляла в красноречии, чем весьма поспособствовала его политической карьере, а после его смерти (429 г.) стала женой торговца скотом Лисикла, по одной из версий, чтобы доказать, что и торговца она сможет научить тому же и сделать политиком. Ср. Pl. Mx. 235e.

Кроме того, следует внимательно отнестись к свидетельству Диогена Лаэртского о том, что Эсхин более всего подражал Горгию Леонтийскому (μάλιστα δὲ μιμείται Γοργίαν τὸν Λεοντίων¹⁸).

***

Эсхин, по общему мнению, работал в жанре так называемых Σωκρατικοὶ λόγοι. Феномен сократического диалога — по крайней мере, начиная с монографии Рудольфа Хирцеля (Hirzel 1895) — привлекает к себе неослабевающий исследовательский интерес, правда, скорее в перспективе поиска «исторического Сократа» и изучения Платона как самого авторитетного сократика¹⁹. Однако генезис этого литературно-философского жанра сам по себе заслуживает внимания, тем более что он оказался новаторским жанром. Итальянский исследователь Ливио Россетти признает за сократиками право считаться *prōtoi heuretai* нового дискурсивного типа: «Il circolo dei Socratici inventò di fatto il romanzo storico, e insieme il romanzo filosofico, il romanzo storico-politico e storico-ideologico nel senso moderno dei termini»²⁰. И если развитые жанровые формы сократического диалога (прежде всего у Платона и Ксенофонта) в силу их состоятельности можно описать и проанализировать, то начало их в силу скудости прямых источников пребывает во мраке. Тем более интригующей предстает задача рассеять этот мрак.

Термин Σωκρατικοὶ λόγοι, видимо, восходит к Аристотелю: он дважды упоминает такую дискурсивную практику — в «Поэтике» (1447b11) и в сочинении «О поэтах» (fr. 3 Ross). Изобретателем такого вида речей, по версии Аристотеля, был некий Алексамен, о

---

¹⁸ SSR VI A 13. Упоминание Горгия в связи с Эсхином заслуживает особого внимания, и прежде всего — в аспекте толкования им логоса как φάρμακον и способной соблазнить силы.

¹⁹ См. Gigon 1947; Rossetti 1977; Kahn 1996; Giannantoni 2005.

²⁰ Rossetti 1977: 29 («Круг сократиков фактически создал исторический роман, а вместе с тем — философский роман, историко-политический и историко-идеологический в современном смысле этих терминов», перевод здесь и далее наш. — Е.А.).

котором ничего не известно. Особого внимания заслуживает соответствующий пассаж из «Поэтики». Здесь Аристотель рассуждает о том, что внешняя схожесть (например, метрическая или наоборот — отсутствие метра) не говорит о принадлежности к одному и тому же типу подражания. Он пишет (1447b9–11): οὐδὲν γὰρ ἂν ἔχομεν ὀνομάσαι κοινὸν τοὺς Σώφρονος καὶ Ξενάρχου μίμους καὶ τοὺς Σωκρατικοὺς λόγους²¹. Сам факт сопоставления Аристотелем мимов — драматических диалогов без метра — и сократических диалогов весьма показателен: сходство, видимо, было столь очевидно (в обоих случаях мы имеем дело с драматическим подражанием этосам), что Аристотель, хотя и по понятным причинам различает эти два вида диалогов, не может тем не менее проигнорировать очевидное — их схожесть. В жанре Σωκρατικοὶ λόγοι работали некоторые другие сократики и Платон. Любопытно, что в связи с последним снова возникает имя mimoграфа Софрона, что только подтверждает очевидность зафиксированного Аристотелем сходства. Согласно Диогену Лаэртскому, Платон после посещения Сиракуз познакомил афинян с мимами Софрона и, более того, подражал ему и держал его сочинения у своего изголовья (D.L. 3.18.1–3). Добавим, что и Эсхин бывал в Сиракузах (2.61.9). Но не одним Софроном ограничивалось сицилийское влияние — среди вдохновителей Платона был Эпихарм, по свидетельству того же Диогена Лаэртского (3.17.1–3). Тенденция ясна: ее вектор направлен в сторону комического.

Любопытно, что Ливио Россетти, фиксируя очень важное обстоятельство — необходимость нового языка и выразительности в связи с новым интеллектуальным опытом («*synousia che per lunghi anni essi avevano praticato con Socrate*»²²), — неоднократно упоминает в связи с сократическим диалогом мим — комедию — театр, но, признавая факт их влияния, всякий раз маргинализирует это влияние: «Una simile circostanza avrà dunque favorito la graduale

---

²¹ «Мы ведь, пожалуй, не можем назвать общим именем мимы Софрона и Ксенарха и сократические речи».

²² Ibid. 29 («Общение с Сократом, которое они практиковали долгие годы»).

elaborazione di una formula espressiva <...> secondo un modulo estremamente duttile, che solo in parte può essere avvicinato alla commedia e al mimo»²³, и «la dimensione mimico-teatrale è relativamente marginale e per lo più concentrata nella parte iniziale del dialogo»²⁴. Невозможность пройти мимо драмы в ее комическом измерении говорит в пользу бесспорного ее влияния на становление жанра сократического диалога²⁵.

Подчеркнем — на становление, поскольку на формирование сократического диалога в платоновском изводе существенное воздействие оказала драма в ее трагическом измерении. В связи с таким положением дел необходимо назвать одного исследователя, чью позицию мы в целом разделяем, — Дискин Клэй. В статье «Истоки сократического диалога» (Clay 1994) этот исследователь как раз смещает фокус внимания в направлении драматических, мимико-театральных истоков сократического диалога. Сократический диалог, начавшись как подражание миму, претерпевает, по мысли Д. Клэя, существенное изменение у Платона, причем не в самом начале его пути. Так, скажем, ранний диалог «Менексен», перекликающийся тематически с диалогами Антисфена и Эсхина, композиционно менее интересен, чем Эсхина²⁶. Ситуация радикально меняется, видимо, после того, как Платон обращается к своему опыту трагического поэта: тему воспитания этоса, представленную в сократических речах ряда учеников Сократа и возникшую в миме и в комедии как подражание этосам, он помещает в перспективу трагедии. Комическая ирония как пер-

---

²³ Ibid. 30 («Поэтому кажется, что такого рода обстоятельство (sc. новый интеллектуальный опыт. — Е.А.) поспособствовало постепенному оттачиванию новой формы выражения <...> по модели, чрезвычайно гибкой, которая только отчасти может быть приближена к комедии или миму»).

²⁴ Ibid. 30, n. 28 («Мимико-театральный элемент относительно маргинален и сконцентрирован главным образом в начальной части диалога»).

²⁵ В том же ключе — трактовка формирования литературных жанров, предложенная О.М. Фрейденберг (Фрейденберг 2008, особенно главы «Мим», «Экскурс в философию», «О древней комедии»). См. также Алымова 2017.

²⁶ Ниже об этом будет сказано подробнее.

вый шаг на пути драматического *отстранения* этоса сменяется в его зрелых диалогах трагической.

Очевидными драматическими истоками генезис сократического диалога ограничить все же нельзя. Слишком явно дает о себе знать еще один источник влияния — софистическая теория и практика. Целый ряд вопросов, которые обсуждает Сократ платоновских диалогов, впервые как проблемы возникли в среде софистов. Так, практика софистической пайдеи заставила поставить вопрос о природе знания, о пределах познания, о соотношении слова и вещи, о возможности научить добродетели и вообще — о том, чему следует учить и кто может это делать. Считается, что Протагор ввел новую форму публичных выступлений — ἀγῶν λόγων, публичные дебаты. Впрочем, публичные дебаты не были главным занятием софистов. Скорее всего, такие ἀγῶνες λόγων имели место в учебном классе в процессе обучения и были частью урока. Главный способ обучения — не публичные лекции или дебаты, а камерные занятия с небольшим количеством учеников, нечто вроде семинаров. Отношения между учителем и кругом его учеников были достаточно близкими. В то же время между учениками имело место постоянное взаимодействие и, конечно, конкуренция. Платоновский Протагор в одноименном диалоге, излагая принципы образования, говорит (это рассуждение он называет логосом и приводит его после мифа): существует нечто единое (τὸ ἕν), в чем должны участвовать граждане полиса, чтобы полис таковым оставался, то есть единым. Это единое, что обеспечивает единство полиса, — ἀνδρὸς ἀρετή: δικαιοσύνη, σωφροσύνη и τὸ ὄσιον εἶναι (добродетель: справедливость, целомудрие и благочестие). Ей должны быть причастны все граждане, и поступать они должны в соответствии с добродетелью. Воспитание начинается, как только ребенок становится способен понимать то, что говорят (τὰ λεγόμενα), слова — главное воспитательное средство. Дальше — школа, задача которой воспитать эвритмичного человека. Кифаристы заботятся о том, чтобы τοὺς ῥυθμούς τε καὶ ἄρμονίας усвоились душами мальчиков, чтобы мальчики стали

ἡμερώτεροι, εὐρυθμότεροι и εὐάρμοστότεροι и, таким образом, пригодными для речей и поступков. Ведь, добавляет Протагор, πᾶς γὰρ ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου εὐρυθμίας τε καὶ εὐαρμοστίας δεῖται (324e–326b)²⁷. К достижению этих же целей, как мы помним, должно стремиться и воспитание по системе Сократа, изложенной в платоновском «Государстве».

Софистическое образование — воспитание в двух направлениях: в содержательном, что реализовывалось как ἐν κύκλῳ παιδεία, и формальном — умении рассуждать и аргументировать. Благодаря софистам образование стало темой для обсуждения, стали появляться теории образования, и платоновская, без всякого сомнения, обязана своим существованием софистической. Без софистов едва ли была бы проблематизирована природа человека. По существу, софисты учили τέχνη, искусству коммуникации, что имело место в форме диалога.

Тот факт, что в номенклатуре сочинений Антисфена, Эскина, Евклида и Федона (учеников Сократа, которые, очевидно, работали в жанре сократического диалога) мы находим одинаковые названия, говорит о том, что их интересовали одни и те же сюжеты, одни и те же персонажи. Таким образом, можно говорить о сформировавшейся топике сократических диалогов, традиционных сюжетах, персонажах²⁸ и даже риторических приемах. Все это — и топика, и сюжеты, и ходы — впоследствии будет использовать Платон. Например, ранний диалог Эскина «Мильтиад» начинается так:

---

²⁷ «Ведь человеческая жизнь в целом нуждается в эвритмии и гармонии».

²⁸ Сократ — непререкаемый, насколько об этом можно судить на основании текстов, участник бесед, представленных в сократических сочинениях. В этой связи трудно удержаться от того, чтобы не вычленить сходства в трактовках фигуры учителя в диалогах его учеников с целью установить «подлинного» Сократа, полагая, что сходства обязательно должны свидетельствовать о том, что здесь нет вымысла. Не исключен, впрочем, и другой вариант: Сократ стал уже персонажем с закрепившимися за ним «типическими» чертами, своего рода драматической маской и топосом сократического диалога как жанра.

[ΣΩΚΡΑΤΗΣ] ἐτύγχανεν μ[έν] / οὔσα πομπή τῶ[ν] / μεγάλων Πα-
ν[α-] / θηναίων <...> ἐγὼ κ[αί] / Ἄγνων ὁ Θηραμ[έ-] / νους πατήρ κα[ί] /
Εὐριπίδης ὁ πο[η-] / τής...²⁹

Похожим образом начинается и платоновское «Государство».

«Мильтиад» считается первым (ранним) диалогом Эسخина, и он, как отмечалось выше, обнаружен и реконструирован позже остальных. На основании фрагментов SSR VI A 76 (P. Оху. 2889), SSR VI A 79 (P. Оху. 2890a) и SSR VI A 80 (P. Оху. 2890b) (и даже можно обойтись без сопутствующих свидетельств, содержащихся в SSR VI A 77, 78, 81) следует, что тема диалога — παιδεία: τίς ἐστὶν ἀνὴρ [ἐπὶ σοφίαι τετιμη- / μένος ἐν τοῖς] Ἑλλ[ησιν]... τῶι σ[ο]φωτάτῳ τῶν Ἑλ[λήνων]... παιδεῦσαι ἄνθρωπον³⁰; ὅπως χρῆ / [ὑποδήματα] ποιεῖν и ὅπως [χρῆ οἰκία]ν οἰκοδομεῖν³¹. В этот же контекст — контекст παιδεία — гармонично вписываются два диалога, на которых и хотелось бы остановиться — «Алкивиад» и «Аспазия». Сохранившиеся фрагменты дают полное основание считать, что тема παιδεία в них связана напрямую с эросом.

***

Оба диалога имеют рамочную конструкцию и представляют собой диалог в диалоге. Насколько можно судить по тексту, восстановленному на основании свидетельств Элия Аристида (SSR VI A 50, 51, 53), в диалоге под названием «Алкивиад» Сократ пересказывает третьему лицу разговор, который состоялся между ним и его учеником и возлюбленным. Алкивиад настроен гибристически, он готов соперничать со всеми значительными политиками своего времени, в частности с Фемистоклом. Однако

---

²⁹ SSR VI A 76. «Сократ: Случилось, что когда была процессия в честь Великих Панафиней <...> я и Гагنون, отец Терамена, и поэт Еврипид...».

³⁰ SSR VI A 79. «Кто есть человек, удостоившийся почитания среди Эллинов по причине своей мудрости?.. мудрейшему из эллинов... воспитать человека».

³¹ SSR VI A 80. «Как должно делать сандалии; как должно управлять хозяйством».

Сократ своими вопросами и рассуждениями фактически выбивает из-под ног Алкивиада почву: талант полководца и политика, риторическая выучка не стали для Фемистокла гарантией от несчастий, в результате — отчаяние и слезы ученика. В конце концов, Сократ говорит и Алкивиаду, и собеседнику, и нам: ἐγὼ δὲ διὰ τὸν ἔρωτα ὃν ἐτύχχανον ἐρῶν Ἀλκιβιάδου οὐδὲν διάφορον τῶν Βακχῶν ἐπεπόνθειν <...> καὶ δὴ καὶ ἐγὼ οὐδὲν μάθημα ἐπιστάμενος ὁ διδάξας ἄνθρωπον ὠφελήσοιμι ἄν, ὅμως ᾧμην ξυνῶν ἄν ἐκείνῳ διὰ τὸ ἐρᾶν βελτίῳ ποιῆσαι³². Эти, видимо, финальные строчки диалога Эсхина «Алкивиад» свидетельствуют об определенном распределении ролей: Сократ — ἐραστής, Алкивиад — ἐρώμενος³³. Эта ситуация обладает воспитательной потенцией. Сократ не искусством (очевидно, камень в сторону софистов), но θεία μοίρα (богом данной ему долей) и διὰ τὸ ἐρᾶν (благодаря любви)³⁴ способен разбудить в человеке стремление быть лучше.

Надо сказать, что среди исследователей нет согласия относительно того, что было первичным: признание изначально эротической природы пайдеи (а тогда отношение Сократа к Алкивиаду — подтверждение, впрочем, не очень убедительное) или это отношения между Сократом и Алкивиадом натолкнули на мысль о воспитательной силе Эроса. Скорее, второе. В этом мы присоединяемся к Олофу Жигону³⁵. Но тогда тема Эроса как воспитательной силы — изобретение сократиков, в частности (а возможно, и прежде всего) Эсхина.

---

³² SSR VI A 53. «Я же по причине той любви, какую мне случилось испытывать к Алкивиаду, испытываю не что иное, как вакханки <...> так и я, не обладая никаким знанием, обучив которому я смогу принести пользу человеку, все же полагал, что, пребывая рядом с ним, сделаю его лучше благодаря любви».

³³ Пайдеветическая роль эроса в греческой культуре, распределение ролей и ограничения, связанные с гомоэротической практикой, рассмотрены, в частности, в статьях Cantarella 2010: 1–23 и Calame 2006: ix–xxviii.

³⁴ Ср. ἐρᾶν и ἐρωτᾶν (спрашивать): едва ли для Эсхина осталось незамеченным созвучие этих слов.

³⁵ Gigon 1947: 310.

Еще один пример любви как движущей силы на пути к самосовершенствованию представляет собой диалог «Аспазия»³⁶. Он назван по имени гетеры Аспазии из Милета, о которой одни говорили, что она обладала мудростью и талантом ратора и принимала самое деятельное участие в становлении политической карьеры Перикла, другие же — к ним можно отнести Аристофана³⁷ (Ach. 526–529) и, видимо, Антисфена, — оценивали ее деятельность в менее позитивном ключе. Но диалог Эсхина, несмотря на то, что, бесспорно, включен в конкурентный контекст, не преследует своей целью принять участие в дискуссии об Аспазии — его интересует сама драматическая ситуация, сюжет и аллюзии.

Композиция диалога, насколько о ней позволяют судить свидетельства (SSR VI A 59–A 69) и цитата в латинском переводе Цицерона (SSR VI A 70), достаточно сложная³⁸: рамка диалога — беседа Сократа и Каллия³⁹ о проблеме воспитания и поиска учителей; рассказ Сократа, цель которого — убедить Каллия, что женщина (в нашем случае — гетера Аспазия) может быть хорошим наставником в добродетели, о своем опыте, а содержание — беседа Аспазии с Ксенофонтом и его супругой, которая состоялась в присутствии Сократа, причем с каждым из супругов Аспазия вступает в отдельный диалог так, что Ксенофонт оказывается свидетелем диалога Аспазии с его женой, а потом жена Ксенофонта присутствует при разговоре Аспазии с Ксенофонтом. Сократ непосредственного участия не принимает — он наблюдатель. Аспазия ставит перед своими собеседниками вопросы, ответы на которые очевидны.

---

³⁶ Реконструкции и интерпретации этого диалога посвящена монография Б. Элерс (Ehlers 1966).

³⁷ Wilson 2007: 27–28.

³⁸ Значительно более сложная, чем в платоновском «Менексене», большую часть которого составляет речь Аспазии, которую она будто бы сочинила для Перикла и которую Сократ, назвавшийся учеником Аспазии, воспроизводит в разговоре с Менексеном. Обращает на себя внимание тот факт, что тема эроса здесь отсутствует. По вопросу о возможной хронологии см. Kahn 1994: 103–106.

³⁹ Еще один типический персонаж сократических диалогов.

Обращает на себя внимание контекст, в котором Цицерон цитирует «Аспазию»: это пассаж из риторического трактата «О нахождении» (*De inventione* 1.31.51–53 = SSS VI A 70), и диалог Аспазии с Ксенофонтом и его супругой представлен как пример *inductio* (наведения), то есть такой аргументативной процедуры, суть которой — обратить внимание собеседника на нечто очевидное и на основании этой очевидности навести его на понимание того, что сначала таковым не кажется. Итак, Аспазия убеждает Ксенофонта и его жену в необходимости самосовершенствования ради них самих и их взаимной любви. Каждого из супругов она наводит на очевидность такой заботы о себе на основании того, что близко и понятно каждому из них. Так, жену Ксенофонта она спрашивает про украшения и одежды, предпочла бы она свои или соседки, будь они у той лучше; Ксенофонта же — про коня и поместье, предпочел бы он свои или соседские, окажись они лучше. Последний вопрос — а именно ради него и задавались предыдущие — касался супруга/супруги, не предпочел ли бы каждый мужа/жену соседки/соседа, если те лучше. И ответ, который должен был последовать естественным образом, супругу Ксенофонта заставил покраснеть от смущения, а Ксенофонт просто замолчал. В основании такой аргументативной стратегии — очевидность того факта, что каждый человек любит всегда самое лучшее и стремится обладать им, то есть желает, чтобы лучшее было своим⁴⁰. Отсюда вывод — нужно сделать так, чтобы свое и наилучшее совпадали.

Аспазия не случайно представляется наставником риторики, причем в духе Горгия, который полагал, что логос — это *φάρμακον*, лекарство, яд и соблазнитель. Тогда понятна роль Аспазии — гетеры и соблазнительницы — она и есть воплощение всей действенности слова, перечисляя все потенции которого, Горгий, в частности, говорит:

---

⁴⁰ О соотношении концептов «любви» и «своего» см. Алымова 2016: 4–12.

τὸν αὐτὸν δὲ λόγον ἔχει ἢ τε τοῦ λόγου δύναμις πρὸς τὴν τῆς ψυχῆς τάξιν ἢ τε τῶν φαρμάκων τάξις πρὸς τὴν τῶν σωμάτων φύσιν⁴¹; λόγος δυνάστης μέγας ἐστίν, ὃς σμικροτάτῳ σώματι καὶ ἀφανεστάτῳ θειότατα ἔργα ἀποτελεῖ· δύναται γὰρ καὶ φόβον παῦσαι καὶ λύπην ἀφελεῖν καὶ χαρὰν ἐνεργάσασθαι καὶ ἔλεον ἐπαυξῆσαι <...> τὴν ποιῆσιν ἄπασαν καὶ νομίζω καὶ ὀνομάζω λόγον ἔχοντα μέτρον· ἥς τοὺς ἀκούοντας εἰσῆλθε καὶ φρίκη περίφοβος καὶ ἔλεος πολύδακρυς καὶ πόθος φιλοπενθής <...> αἱ γὰρ ἔνθεοι διὰ λόγων ἐπιδιδάξαι ἐπαγωγοὶ ἡδονῆς, ἀπαγωγοὶ λύπης γίνονται⁴².

Почти всю гамму описанных Горгием эмоций испытывают персонажи «Алкивиада» и «Аспазии»: Алкивиад стал плакать (κλάειν θέντα τὴν κεφαλὴν ἐπὶ τὰ γόνατα ἀθυμήσαντα⁴³); жена Ксенофонта покраснела (hic mulier erubuit); сам Ксенофонт потерял дар речи от ужаса перед возможным ответом (tacuit)⁴⁴). Аспазия выступает в роли μαστρολόс или προμνήστρια⁴⁵. Роль узнаваемая, ее вариацией станет роль повитухи, в которой будет выступать платоновский Сократ — ученик Диотимы. Таким образом, Аспазия в одноименном диалоге наставляет своих собеседников, ничему их, по сути дела, не уча, она лишь побуждает их посредством вопросов обратиться к самим себе и к тому, что им и так очевидно. Ее наставничество оказывается искусством обращать к очевидности путем наведения на нее. Аспазия, искусная в τὰ ἔρω-

---

⁴¹ DK 82 В 11.14.12–14. «Одно и то же можно сказать о силе логоса в отношении душевного строя души и о назначении лекарств для телесной природы».

⁴² DK 82 В 11.8.17–11.10.27. «Логос — великий господин, который мельчайшим и совершенно невидимым телом божественнейшие дела совершает. Ибо оно и страху конец положить, и от печали избавить, и радость вселить, и сострадание усилить может <...> поэзию в целом я и считаю, и называю логосом, имеющим метр. Слушающих ее охватывает и трепет, какой возникает от страха, и сострадание, обильное слезами, и тоска — спутница печали <...> Ибо боговдохновенные песни посредством слов приводят и к радости, приводят и к печали».

⁴³ SSR VI A 51. «В отчаянии плачет, положив голову на колени (sc. Сократа)».

⁴⁴ SSR VI 70.

⁴⁵ В такой роли она фигурирует в комедии Аристофана «Ахарняне» (520–529).

τικᾶ, оказывается и мастером в деле воспитания — τὰ παιδευτικᾶ — через вопрошание (ἑρωτᾶν)⁴⁶.

Итак, Эсхин, по-видимому, был первым из учеников Сократа, кто предложил оригинальную трактовку феномена пайдеи, обнаружив ее риторико-эротическую природу. Диалоги «Алкивиад» и «Аспазия» представляют собой литературную реализацию этой трактовки: любовь Сократа к Алкивиаду, где любящий (ἑραστής) способствует совершенствованию своего возлюбленного (ἑρώμενος); любовь Ксенофонта и его жены, в которой будет осуществляться инспирированное Аспазией взаимное стремление к наилучшему своему, — все эти модели впоследствии использует Платон, доведя до максимальной реализации все их смысловые потенции.

Литература

- Алымова, Е.В. (2016), “Мужество как искусство различать”, *Вестник Санкт-Петербургского университета* (Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение) 4: 4–12.
- Алымова, Е.В. (2017), “Классическая филология Ольги Фрейденберг, или научная позиция как хюбрис”, in *Русский логос: Горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции. 25–28 сентября 2017*. Т. 2, 471–478. СПб.: «Интерсоциус»; Издательство РХГА.
- Гараджа, А.В. (2017), “Философы себе замутят государство (R. 540e)?” *Платоновские исследования* 7.2: 71–83.
- Фрейденберг, О.М. (2008³), “Образ и понятие. Немые лекции”, in Eadem, *Миф и литература древности*, 289–764. Екатеринбург: У-Фактория.
- Alymova, E.V. (2016), “Muzhestvo kak iskusstvo razlichat’ [Courage as an Art to Discern]”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul’turologiya. Religiovedeniye) 4: 4–12.
- Alymova, E.V. (2017), “Klassicheskaya filologiya Ol’gi Freydenberg, ili nauchnaya pozitsiya kak hyubris [Olga Freidenberg’s Classical Philology, or Scholarly Position as hubris]”, in *Russkiy logos: Gorizonty osmysleniya*.

---

⁴⁶ Подробнее об эросе в трактовке Эсхина см. Kahn 1994: 87–106.

- Materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii. 25–28 sentyabrya 2017.* Vol. 2, 471–478. Saint-Petersburg.
- Calame, C. (2006), “Introduzione. Eros inventore e organizzatore della società greca antica”, in C. Calame (ed.), *L’amore in Grecia*, ix–xxviii. Roma; Bari: Economica Laterza.
- Cantarella, E. (2010), “Introduction. Section 1. Textual evidence”, in A. Lear, E. Cantarella, *Images of Ancient Greek Pederasty*, 1–23. Routledge.
- Clay, D. (1994), “The Origins of Socratic Dialogue”, in Paul A. Vander Waerdt (ed.), *The Socratic Movement*, 23–47. Ithaca: Cornell University Press.
- Döring, K. (2011), “The Students of Socrates”, in D.R. Morrison (ed.), *The Cambridge Companion to Socrates*, 24–47. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Ehlers, B. (1966), *Eine vorplatonische Deutung des sokratischen Eros: Der Dialog Aspasia des Sokratikers Aischines*. München: C.H. Beck.
- Garadja, A.V. (2017), “Filosofy sebe zamutyat gosudarstvo (R. 540e)? [Philosophers to Rig Their Own Polis (R. 540e)?]”, *Platonovskiye issledovaniya* 7.2: 71–83.
- Giannantoni, G., ed. (1990), *Socratis et Socraticorum reliquiae*. 4 vols. Napoli: Bibliopolis.
- Giannantoni, G. (2005), *Dialogo socratico e nascita della dialettica nella filosofia di Platone*. Napoli: Bibliopolis.
- Gigon, O. (1947), *Sokrates*. Bern: A. Francke.
- Grenfell, B.P. & Hunt, A.S., eds. (1919), *The Oxyrhynchus Papyri*. Part XIII. London: Egypt Exploration Fund.
- Hirzel, R. (1895), *Der Dialog. Ein literarhistorischer Versuch*. Leipzig: S. Hirzel.
- Kahn, Ch. (1994), “Aeschines on Socratic Eros”, in Paul A. Vander Waerdt (ed.), *The Socratic Movement*, 87–106. Ithaca: Cornell University Press.
- Kahn, Ch. (1996), *Plato and the Socratic Dialogue. The philosophical Use of a Literary Form*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kühner, R. & Gerth, B. (1904³), *Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache*. Bd. 2.2. Hannover und Leipzig: Hansche Buchhandlung.
- Lobel, E., ed. (1972), *The Oxyrhynchus Papyri*. Part XXXIX. London.
- Marcovich, M., ed. (1999), *Diogenis Laertii Vitae philosophorum*. Vol. 1: Libri I–X. Stutgardiae et Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Patzer, A. (1970), *Antisthenes der Sokratriker. Das literarische Werk und die Philosophie, dargestellt am Katalog der Schriften*. Heidelberg.
- Rossetti, L. (1977), *Aspetti della letteratura socratica antica*. Chieti: Libera università degli studi G. D’Annunzio.
- Wilson, N.G., ed. (2007), *Aristophanis fabulae*. Vol. 1. Oxonii: e typographeo Clarendoniano.